

ОБЩЕСТВА ТРАВМЫ: ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ЗИГЗАГ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ?

Общество травмы как третья модальность в развитии

Сегодня в мире есть страны, жизнь в которых не укладывается в классические теории наук об обществе. Нынешний этап мирового развития характеризуется такими значительными, значимыми и знаковыми событиями и процессами, которые невозможно определять и квалифицировать в прежних понятиях: эволюция или революция, прогресс или стагнация и рецессия. То, что случилось в конце XX и начале XXI веков в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии, Тунисе и ряде других стран, выпадает из общепринятой и ранее понятной логики общественного развития.

С этой точки зрения не менее впечатляющим выглядит распад СССР и то, что началось после него во многих ныне независимых государствах. Особенно это коснулось Грузии, Молдовы, Киргизии и, конечно, Украины. Не избежала своей участи и Россия. Общеизвестно эмоциональное высказывание президента страны В. В. Путина, назвавшего результаты распада СССР геополитической катастрофой, так что Россия не может не входить в число тех государств, о которых пойдет речь.

К этим странам в эту специфическую группу можно добавить так называемых кандидатов. Согласно данным Всемирного банка, успешными в своих рыночных преобразованиях оказалось только 52 % демократических стран и 48 % стран, отнесенных к группе авторитарных.

Все эти страны объединяет одно — политические потрясения, стагнация и/или упадок экономики, неопределенность иногда даже ближайшего будущего, наконец, разочарование и потеря доверия к провозглашенному пути и к средствам достижения намеченных целей.

Все это никак не укладывается в классические представления о прогрессе или регрессе, эволюции или революции.

Тогда с чем мы имеем дело? Как охарактеризовать эти политические, экономические, социальные, культурные процессы (а скорее — неопределенности), которые сродни катастрофам? Есть ли у них нечто общее при всем разнообразии особенностей?

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». Но уже в современной медицинской и психиатрической литературе термин стал трактоваться и как рана сознания в результате эмоционального шока, нарушающего в человеке и в социуме осмысление времени, себя и мира.

Одним из первых на социальное содержание травмы обратил внимание немецкий ученый Юрген Хабермас, когда связал ее с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в европейском обществе [31]. Польский социолог П. Штомпка употребил это понятие при анализе проблем социально-культурного развития («социальная и культурная травма»). Характеризуя совокупность изменений, происходящих в мире и в большинстве стран, он рассматривает травмы как «социальные трансформации», в основе которых лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, проводимые в движение коллективным агентством (agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов» [26, с. 6–7]. При изучении происходящих в западных обществах потрясений Н. Смелсер определял культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом». Д. Александер утверждает, что некоторые события в современном мире сами по себе травматичны, то есть являются непосредственными причинами деформирующего эффекта. Травматическое воздействие на судьбы народов, их национальное самосознание описал З. Бауман [29]. Социальная трактовка травмы стала использоваться и при анализе других процессов, например при исследовании проблем коллективной идентичности, включая религиозную и этническую [32].

Что касается отечественных исследователей, то, не употребляя данный термин, о травмирующих аспектах писали экономисты М. Ф. Делягин [7], Р. С. Гринберг [5], политики Ю. А. Красин [12], В. К. Левашов [14], специалисты социальной сферы М. К. Горшков [19], сферы культуры и образования — О. Н. Смолин [21], А. С. Запесоцкий [9]. На наш взгляд, трактовки происходящих изменений, представленные названными авторами, можно расширить до понятия «травма общества», если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформирующий характер общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности происходящих преобразований (катастроф).

При современных определениях травм, поразивших многие общества, стало возможным применять понятие «травма» к особому состоянию общественных процессов, выраженному в неопределенности, перекосе развития неустойчивых обществ и государств. Конечно, в таком подходе есть свои нюансы, детали, уточнения, но я хочу сразу обратиться к тем чертам, показателям и индикаторам, которые считаю важными для понимания самого феномена.

Основные характеристики общества травмы

Травмы многих современных обществ, о которых пойдет речь, начинались с насильственного свержения существующего политического режима и соответствующих институтов управления. Это происходило либо из-за вмешательства внешних сил (Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия, Тунис), либо под воздействием внутренних катаклизмов (Россия, Украина, Грузия, Молдова). Но при этом все возникающие потрясения проходили под лозунгом неотложности кардинальных изменений, с требованием серьезных сдвигов в экономике и социальной сфере, под обещания срочно добиться достойной жизни людей и полного благополучия страны. Звучали призывы поднять на более высокий уровень соблюдение прав и свобод человека. Но вмешательство

внешних сил в странах, не способных на самостоятельное реформирование (Ирак, Ливия, Афганистан), привело к тому, что они не вышли из полосы кровопролитных конфликтов.

Не менее впечатляющими были результаты изменений в Грузии, Украине, Молдове. Эти республики оказались еще дальше от того, что они имели, находясь в составе СССР. Не более успешными оказались и достижения России: за четверть века она не вышла на социально-экономические показатели, которыми обладала РСФСР в 1990 году.

Таким образом, все названные государства не сумели продвинуть свои общества на более достойные уровни экономики, выйти на позиции, диктуемые современной информационной эпохой, предоставить населению новые высокие стандарты жизни. И это поражение постигало вышеназванные государства после того, как подобную задачу успешно решили, причем в течение непродолжительного времени, как капиталистические (Сингапур, Малайзия, Южная Корея), так и социалистические страны (Китай и Вьетнам).

На мой взгляд, причина неудач прежде всего в том, что общество травмы обладает таким комплексом черт, которые резко и отчетливо отделяют его как от революционных преобразований, так и от поступательных эволюционных изменений.

И это отличие начинается с того, что у общества травмы отсутствует четкая и ясная стратегия и понимание перспектив развития. Намеченные преобразования в основном сводятся к тому, чтобы ориентироваться на решение отдельных насущных и неотложных проблем: иногда — с учетом опыта других стран (как это пытались сделать в России), иногда — путем пассивного выполнения чьих-то советов, без учета национальной специфики (Афганистан, Ирак, Ливия, где это делается под экономическим и военным давлением извне).

Что касается России, то до сих пор остается невыясненным: какое общество мы строим? Например, академик О. Богомолов выражал свой публичный интерес к этой неопределенности еще в 2008 году [27]. Да, тогда

обсуждалось немало рецептов, идей, но они сводились в основном к тому, чтобы отказаться от прошлого социалистического пути развития, воспользоваться рекомендациями, основанными на опыте других стран (были самые различные предложения — заимствовать опыт США, Германии, Японии, Франции и даже Аргентины), или некими теоретическими умозрительными конструкциями вроде положений чикагской школы, на выводы которой уповали российские либералы [1].

Немало было доморощенных предложений, которые рождались скорее из фантазий, чем из научно обоснованных программ развития. Показательны в этом плане рассуждения известного либерала Л. Гозмана, который огорчился, что у либералов было много вариантов развития, но им не дали возможность все реализовать [17]. Это напоминает старый анекдот о применяемых по очереди советах по кормлению цыплят, которые в результате сдохли. Инициатор этих методов посетовал: а сколько у меня еще осталось неиспользованных вариантов.

Кроме того, анализ причин отставания в развитии показывает, почему в обществах травмы происходят потери и даже откаты от тех экономических и социальных рубежей, которыми обладали эти страны, до попыток изменения вектора своего развития. Более того, можно говорить и о явной деградации, отбросившей некоторые страны от достигнутого уровня, в которых нынешняя экономика представляет собой разваленные отрасли национального хозяйства [23; 24].

«Коллективные агентства». Насколько они эффективны?

Увы, примерно такая же ситуация наблюдается и в современной России. Речь идет не только об утрате темпов развития, но и о потере ранее достигнутых и до сих пор не восстановленных экономических и социальных показателей.

Так, по некоторым данным, за период гайдаровских реформ в 1990-е годы народное хозяйство страны потеряло больше, чем за время Великой

Отечественной войны. Мало что удалось исправить и в 2000-е годы. Как отметил творец рыночной реформы, экс-министр экономики и финансов Польши Гжегож Колодко (иностраный член Российской академии наук), именно отсутствие грамотной экономической стратегии в Российской Федерации привело к печальным результатам. Если 25 лет назад ВВП нашей страны втрое превышал ВВП Китая, то на данном этапе уже КНР превосходит Россию по этому показателю в шесть раз.

Отсутствие стратегии развития в обществах травмы связано с тем, что в них нет активных, движущих, творческих созидательных сил, олицетворяемых, как писал польский социолог Петр Штомпка, «коллективным агентством», которое осуществляло бы стратегию желаемых преобразований на основании четкой, продуманной программы действий, опирающейся на объективные законы развития [26, с. 7].

В отсутствие же такой программы и такой команды происходит следующее. Имея доступ к фонду структурных и культурных ресурсов, официальные структуры, как правило, производят импульсивные действия, которые нередко похожи на имитацию рациональной деятельности. Так, в свое время вместо научно-обоснованных кардинальных преобразований в экономической и социальной сферах президент страны Дмитрий Медведев осуществлял такие, по его мнению, неотложные меры, как переименование милиции в полицию, смена часовых поясов, введение нулевого промиле для водителей автомобилей и т. д. и т. п.

Не менее убедительным свидетельством обществ травмы является тот факт, что для них характерна конвертация ресурсов власти в капитал и капитала во власть, так как политическое руководство в этом процессе рассматривается как источник доходов, способ оправдания и прикрытия сомнительных акций на экономическом и финансовом рынке.

Непонятная для населения ситуация в стратегии развития привела к отстранению большинства россиян от контроля и общественного участия в том, чем занимается власть. Сегодня 80,3 % граждан не состоят ни в одной

общественной организации, 93,7 % считают, что они никак не влияют на принятие государственных решений [8, с. 356–357]. Именно в этом контексте возникает вопрос о государственной идеологии, которая бы наряду с другими существующими в обществе мировоззренческими установками формулировала перспективы развития с учетом глубинных интересов населения.

Пока же в обществе, с одной стороны, преобладает утверждение, что в стране, согласно Конституции РФ, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, с другой — происходит постоянное напоминание о необходимости строительства демократического общества, что, в сущности, невозможно без каких-либо серьезных, утвержденных всем обществом идей, способных мобилизовать народ на действительное развитие страны. В результате в России сложился политический режим, который ряд авторов определяют как неидеологический [4]. Поэтому я считаю оправданной тревогу аналитиков, которые отмечают, что в стране вместо формирования национально-государственной идентичности происходит стихийный поиск путей трансформации этнического, регионального и локального самосознания, которые при всей их важности не могут заменить общие идеологические ориентиры, идею сплочения многонационального и поликонфессионального народа.

На мой взгляд, попытки сформулировать национальную идею ничем не оканчивались и не оканчиваются, потому, что они отражают гипотетические представления лишь отдельных представителей правящих слоев России и предложения некоторых научных работников, а не чаяния и устремления народа.

И это понятно, потому что в обществах травмы «коллективные агентства» (то есть правящие круги, или так называемая элита) не учитывают или абсолютизируют (гипертрофируют) национальную специфику, иными словами, — все, что было накоплено странами в их историческом развитии. Так, в российском обществе полностью и беспалляционно отвергнут опыт не только советского, но и более раннего исторического прошлого, исходя из

заведомо пагубной установки: в прежней России и особенно в СССР ничего позитивного не было.

В отношении России до сих пор ведется спор: что же в ней происходит? Что случилось с ней в начале 1990-х годов? По какому пути она развивается за последние более чем четверть века и как правильно назвать происходящее? Многие политики, ученые, журналисты, используя некую совокупность данных, настаивают на том, что произошел слом социалистического строя и начался процесс возвращения в испытанное и проверенное опытом либеральное устройство общества. Но, мол, при этом переход к капитализму искажается нынешним политическим руководством России [10].

Представители других мировоззренческих убеждений, опираясь на опыт анализа процессов функционирования новой России, не менее убедительно доказывают, что происходит пусть сложный и трудный, с огромными издержками, но эволюционный путь развития страны [5].

Еще одна группа представлена неомарксистскими и социалистически ориентированными взглядами о происшедшем в стране как о насильственном перевороте, отказе от ориентации на интересы народа. Признавая просчеты и ошибки советского руководства и последовавших после нее рыночных реформ, представители этой группы настаивают на проведении политики, утверждающей проверенные жизнью позитивные изменения, накопленные как в опыте СССР, так и в ныне существующих странах с социалистической ориентацией (Китай, Вьетнам) [2; 3; 11].

Что же до реальности, то происходящий процесс развития характеризуется половинчатой и непоследовательной реставрацией некоторых социалистических традиций и норм жизни, сочетающейся с модификацией, следованием принципам рыночного фундаментализма и либерализма и попытками обосновать путь, по которому идет «европейская цивилизация», но с учетом особой евразийской ориентации. В итоге, на наш взгляд, экономическая и социальная жизнь находится в состоянии кризиса: потеряна основная часть высокотехнологичных производств в космической индустрии,

машиностроении, авиационной промышленности. К примеру, если в 1990 году в стране было выпущено 74,2 тыс. металлорежущих станков, которые закупались даже ФРГ, то в 2014 году их было произведено всего 2,7 тыс. Станков ткацких — соответственно 18 300 и 79. [18, с. 147; 20, с. 264–265]. В сельском хозяйстве были бездумно распущены колхозы и совхозы, особенно успешно функционирующие, потеряны многие эффективно развивающиеся хозяйства. В 2014 году в сельскохозяйственных организациях насчитывалось 247,3 тыс. тракторов (в 1990 г. их было 1345,6 тыс.), комбайнов — соответственно 64,6 тыс. и 407,8 тыс., свеклоуборочных машин — 2,4 тыс. и 25,3 тыс. [25]. В результате так называемой аграрной реформы объем продукции сельскохозяйственной отрасли (за исключением производства зерна) не вышел на уровень советского 1990 года, а по животноводству уменьшился на треть.

Что касается гипертрофикации псевдонациональных особенностей, то этот путь ярко демонстрирует государственное строительство в Украине. Вот что писал по этому поводу политолог В. Лапкин: «Стимулирование этнополитической конфликтности и продвижение идеологии и системы ценностей, разделяющих этносы и нации по их отношению к свободе, демократии и процветанию, оказывается одной из ключевых составляющих» в «общей стратегии хаотизации социального субстрата неконсолидированных режимов» [13, с. 61].

Где же выход?

Таким образом, особую значимость среди новых явлений на современном этапе приобрела такая черта в жизни ряда стран, в том числе и России, как их травмированность, выражающаяся в расколе, раздвоении, противоречивости и конфликтности развития. В то же время несомненно, что общества травмы не могут быть вечными — при определенных обстоятельствах они должны выйти из этого кризиса.

В 1990–2000-е годы у нас не раз предпринимались шаги по выходу на новые рубежи экономического и социального развития.

Сначала это была приватизация с ее спутниками — девальвацией рубля, залоговыми аукционами, созданием олигархического капитализма, что привело к полнейшему разгрому национального хозяйства. Затем были проекты развития здравоохранения, сельского хозяйства, образования, провозглашенные Дмитрием Медведевым в бытность его премьер-министром, приведшие его в нулевые годы к посту президента, но оказавшиеся несостоятельными и теперь всеми забытыми. Потом были четыре «и»: — институты, инфраструктура, инновации и инвестиции, которые также ничего не дали стране. В рамках этих амбициозных проектов был создан дорогостоящий проект «Сколково», который, по мнению экс-президента Сибирского отделения РАН Александра Асеева, является «мраморной телефонной трубкой в руках старика Хоттабыча», а по мнению профессора Массачусетского технологического института Лорена Грэма, — дорогостоящим, сомнительным актом, от которого «скорее всего выиграют западные компании» [6].

Чтобы выйти из травмированного состояния, мотивацией социальной, экономической и политической жизни должны быть не прибыль или власть, а служба обществу. Грэм, выступивший на Петербургском экономическом форуме в мае 2016 года, образно сформулировал парадоксальное состояние современной России: «Вам нужно молоко без коровы», предполагая то же самое, о чем говорил Питирим Сорокин: нужно раскрепощение созидательных сил не только бизнеса, но и творческих людей, которые олицетворяют «научный гений русских людей», а также социальные реформы [22, с. 7]. И это не только удовлетворяло бы потребности народа, но и развивало бы созидательные силы общества.

Немалую толику в этот противоречивый процесс вносит нынешняя модель развития, которую «можно представить в виде велосипеда, в котором руль — социалистический, а педали — капиталистические» [15, с. 202].

Все это позволяет сделать вывод: травмированность общества и в обществе возникает тогда, когда «появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом» [26, с. 8].

Поэтому вполне оправдана закономерная реакция на практически единодушное мнение экспертного общества (да и не только его) о необходимости коренной смены экономического курса правительства, стало недавнее послание Президента страны Федеральному собранию (февраль 2019 г.), решившего обратить внимание на необходимость серьезной коррекции социально-экономического курса страны.

Литература

1. *Авен П.* Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук / П. Авен П., А. Кох. — М. : Альпина Паблишер, 2013. — 471 с.
2. *Бодрунов И. С.* Реиндустриализация: социально-экономические параметры и реинтеграция производства, науки и образования / И. С. Бодрунов // Социологические исследования. — 2016. — № 2. — С. 20–28.
3. *Бузгалин А. В.* Полемические заметки о целевых акцентах альтернативной социально-экономической стратегии / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Социологические исследования. — 2014. — № 3. — С. 120–130.
4. *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции / О. В. Гаман-Голутвина. — М. : РОССПЭН, 2006. — 448 с.
5. *Гринберг Р. С.* Россия опять в поисках «верного» пути / Р. С. Р. Гринберг // Мир перемен. — 2016. — С. 3–17
6. *Грэм Л.* Россия может предложить великие идеи, но не в состоянии ими воспользоваться / Л. Грэм // Новая газета. — 2016. — 25 июля.

7. *Делягин М.* Светочи тьмы. Физиология либерального клана: от Гайдара и Березовского до Собчака и Навального / М. Делягин. — М., 2016. — 800 с.
8. *Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х — середина 2010-х гг.)* / под ред. Ж. Т. Тощенко. — М., 2016. — 367 с.
9. *Запесоцкий А. С.* Культура: взгляд из России / А. С. Запесоцкий. — СПб. : СПбГУП. 2014. — 848 с.
10. *Иноземцев В. Л.* Потерянное десятилетие / В. Л. Иноземцев. — М. : Московская школа политических исследований, 2013. — 594 с.
11. *Кива А. В.* Реформы в Китае и России. Сравнительный анализ / А. В. Кива. — М. : Институт востоковедения. Центр стратегической конъюнктуры, 2015. — 304 с.
12. *Красин Ю. А.* Политическое самоопределение России: проблемы выбора / Ю. А. Красин // ПОЛИС. Политические исследования. — 2003. — № 4. — С. 114–124.
13. *Лапкин В. В.* Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // В. В. Лапкин // ПОЛИС. Политические исследования. — 2016. — № 4. — С. 54–64.
14. *Левашов В. К.* Реформы и кризисы: тридцать лет спустя / В. К. Левашов // Социологические исследования. — 2016. — № 10. — С. 31–38.
15. *Лившиц В. Н.* Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013 / В. Н. Лившиц. — М. : USSR : Ленард, 2013. — 631 с.
16. *Линецкий А. И.* Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития / А. И. Линецкий // ПОЛИС. Политические исследования. — 2016. — № 2. — С. 152–170.
17. Литературная газета. — 2019. — № 7. — 20–26 февр.
18. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Статистический ежегодник. — М. : Финансы и кредит, 1991. — 465 с.

19. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. — М. : Весь мир, 2015. — 336 с.
20. Россия в цифрах в 2015 г. : крат. стат. сб. — М. : Госкомстат, 2015. — 167 с.
21. *Смолин О. Н.* Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? / О. Н. Смолин // Социологические исследования. — 2015. — № 6. — С. 91–101.
22. *Сорокин П. А.* Условия и перспективы мира без войны / П. А. Сорокин // Социологические исследования. — 1999. — № 5.— С. 3–12.
23. *Тощенко Ж. Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу / Ж. Т. Тощенко. — М. : Наука, 2018 — 350 с.
24. *Тощенко Ж. Т.* Травма общества: между эволюцией и революцией (приглашение к дискуссии) / Ж. Т. Тощенко // Политические исследования. — 2017. — № 1.
25. *Узун В. Я.* Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты / В. Я. Узун, Н. И. Шагайда. — М. : Дело. — 352 с.
26. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социологические исследования. — 2001. — № 1. — С. 6–16.
27. Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки / под ред. О. Т. Богомолова. — М. : Ин-т экон. стратегий, 2008. — 439 с.
28. *Alexander J. C. and Sztompka P.* [eds.]. Rethinking Progress: Movements, Forces and Ideas of the End of the 20th Century. — L. : Routledge, 1990. — 284 p.
29. *Bauman Z.* Modernity and the Holocaust. Ithaca: Cornell University Press, 1989. — 254 p.
30. *Caruth C.* Trauma. Explorations in Memory. Baltimore. John Hopkins University Press. — 1995. — 288 p.
31. *Habermas J.* The Post-National Constellation and the Future Democracy // Habermas J. The Post-National Constellation: Political Essays / ed. by M. Pensky. — Cambridge MA : MIT Press, 2001. — P. 58–112.

32. Narrating trauma: on the impact of collective suffering. — Boulder :
Paradigm Publisher, 2011.